

ДЕГРАДАЦИЯ

Л. Шевцова

Если критерием стабильности является отсутствие массового протеста, то Россия выглядит спокойнее, чем Франция либо Италия. А потому есть основания предполагать, что российской власти удастся себя воспроизвести в 2011–2012 годах. Тем более что на самосохранение российской системы работает целый ряд факторов.

Впервые в российской истории ресурсом российского самодержавия стал Запад. И потому, что либеральные демократии переживают кризис и пытаются решить свои проблемы через переход к «вненормативному» прагматизму. И потому, что западные правительства, не зная, что с Россией делать, пошли по легкому пути, назвав его «перезагрузкой». Вот ее содержание: «Россию не переделывать. Будем сотрудничать с Кремлем, какой есть, и не будем его раздражать».

Дискредитация либеральной альтернативы также облегчает самосохранение единовластия. Дело не только в «лихих 90-х», когда под лозунгом либеральных реформ власть строила олигархический капитализм. На единовластие работает системный либерализм. Он представлен в правительстве и прослойкой обслуживающих власть словоохотливых западников. Аргументация системного либерализма незатейлива: «Россия не готова к радикальным переменам. Нужна постепенность. С властью следует вести диалог и осуществлять политику «малых дел».

Эта риторика является обоснованием системы-паразита, которая существует за счет одновременного «присасывания» к Западу и отторжения от него. Либеральная фразеология позволяет не только развивать рыночные отношения в той форме, которая облегчает присвоение рыночного продукта правящим классом. Она обеспечивает инкорпорирование российской элиты в ткань западного общества и ничуть не мешает национал-державническому курсу внутри России с целью изоля-

ции российского общества от Запада.

Гибридность режима с его идеологической неопределенностью и размытостью правил игры сохраняет возможности для частичного удовлетворения интересов различных политических и социальных факторов. В ряде стран (Сербии и Украине) гибридные режимы облегчили их либерализацию, пусть в случае с Украиной и непоследовательную. В России режим-гибрид перемалывает любые попытки либерализации.

Отмечу и способность правящего класса к имитациям, которые дискредитируют даже намек на оппонирование. Правда, здесь трудно не увидеть парадокс. Ставший даже для части элиты одиозным, Путин с его агрессивной архаикой начинает провоцировать тягу к переменам. Напротив, Медведев с его модернизационной мантрой, порождая надежды на «оттепель» при своем полном бездействии, затрудняет обновленческий процесс. Вот ведь какая ирония истории: политик, выглядящий как реформатор, может принести прогрессу больше вреда, чем откровенный традиционалист. И дело не в принадлежности Медведева к правящей группировке. Испанский лидер Адольфо Суарес был любимцем Франко. И при этом он сумел стать отцом самой успешной трансформации, отказавшись от монополии на власть. «Модернизаторство» Медведева, напротив, заточено на то, чтобы эту монополию укрепить.

Воспроизводство системы облегчает и «фактор веры». Я имею в виду надежду экспертов и политиков на то, что тандем Путин – Медведев означает неизбежность раскола элиты и возникновение двух моделей развития – консервативной и умеренно-реформаторской. Реальных доказательств того, что дразги между командами лидеров и их разная стилистика являются подтверждением наличия внутри власти концептуальных различий, найти не удастся. Налицо доказательство обратного – того, что тандем является успешной

